

очевидно, не ждал подобного совпадения своего настроения со словами открывшегося ему текста, и это потрясло его. Он записал их как отражение своего смятения, своей грусти и неуверенности.¹¹

В. П. Адрианова-Перетц в цитированной выше статье приходит к мысли об органичной связи цитат из Псалтыри с «Поучением». Обращаясь к Псалтыри, Мономах, по ее мнению, уступает потребности познать самого себя, исходя из требований «учительной» литературы.

Однако, на наш взгляд, на этот раз непосредственным толчком для этого послужила не столько абстрактная потребность в самопознании, сколько драматические события, разыгравшиеся в семье Мономаха. Причины возникшего конфликта лежат вне Мономаха — родичи требуют от него нарушения, во имя узко семейных интересов, крестоцелования, данного Ростиславичам, грозят разрывом.

Известно, что подобные нарушения взятых на себя обязательств случались и раньше, и позже. Феодальная эпоха была полна клятвоступлений, насилий, жестокой политической борьбы (достаточно вспомнить обстоятельства, сопровождавшие ослепление Василька Тербовальского, убийство князя Игоря Ольговича и др.). Мономах отвергает эту установившуюся житейскую практику вероломства и феодального разбоя, опирающуюся на догосударственное право, на насилие во имя личных интересов. Как трудно было ему, однако, противостоять подобной практике, видно из содержания «вынувшихся» из Псалтыри слов: «Помилуй мя, боже, яко попра мя человек, весь день борясь стужи ми, попраша мя врази мои, яко мнози борющихся со мною съвше». ¹² Его тревожит страх и беспокойство за свою судьбу. Мономах находит подтверждение правоте своего поступка в словах ветхозаветного пророка: «Не ревнуй лукавнующим, не завиди творящим беззаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же господа ти обладают землею». ¹³

Душевное смятение оказывается снятым словами религиозного авторитета. Однако перед самим собой Мономах не кривит душой и не пытается представить выбор решения легким. Обращает на себя внимание то, что Мономах не подкрепляет своего решения Псалтырью или какой-либо иной священной книгой, а принимает его сам, справляясь прежде всего со своею собственной совестью. Псалтырь только раскрывает его ощущения, а не декретирует его поступки. ¹⁴ Откуда страх и смятение в душе Мономаха? Почему таким мучительным делается для него отказ братьям? Его страшит не столько их гнев, сколько осуждение за разрыв семейных уз. Это становится окончательно понятным из второй части «Поучения».

Предпочтение общегосударственных интересов узкосемейным вскоре ставится под сомнение новыми жизненными обстоятельствами. Возникает новая психологическая коллизия, причину которой мы узнаем из письма Мономаха к двоюродному брату, Муромо-Рязанскому князю Олегу Святославичу. Смерть в муромском сражении сына Мономаха Изяслава, осиротевшая молодая невестка — достаточно сильные обстоятельства, чтобы «удачливый сам себе» князь вдруг осознал всю сложность и противоре-

¹¹ Исходя из строгой «иконописности» образа Владимира Мономаха, отдельные исследователи увидели в словах «вскую печалуеши, душе?» лишь образное выражение «печалования о земле Русской» (см.: История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 293—294).

¹² ПСРЛ, т. I, стлб. 242.

¹³ Там же, стлб. 241.

¹⁴ Аналогично князь Борис, узнав о приближении убийц, подсланных старшим в роде братом Святополком, встречает неминуемую смерть словами псалма: «мнози вьсташа на мя» (см. анонимное сказание о кн. Борисе и Глебе. — ЧОИДР, 1870, кн. 1, разд. III, стр. 10).